

Потому что люблю тебя

Автор:

Евгения Перова

Потому что люблю тебя

Евгения Георгиевна Перова

История их любви началась с первого поцелуя – Асе было пятнадцать, а Сергею двадцать. Но романа не случилось. Сергей бегал от Аси всю юность, а она отчаялась его ждать... Им пришлось расстаться – и несколько лет они не виделись. Но вот судьба снова сводит их вместе. Для чего? Зачем? Чтобы они проверили силу чувств? Их жизни завязаны в такой крепкий узел, что развязать его удастся не сразу. И не ошибкой ли будет пытаться его развязать?..

Евгения Георгиевна Перова

Потому что люблю тебя

Вот так, скрипя о петли бытия,

Раскачивает ветер колыбель,

Где нас Творец попарно изваял:

Совместный быт, совместная постель,

И только вечность каждому своя...

Елена Касьян

© Перова Е., текст, 2018

© Курбатов С., фотография на обложке, 2018

© Redondo V. R., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Пролог

Девочка лет пятнадцати с большим букетом розовых пионов торопливо поднималась по лестнице старого четырехэтажного дома, затерявшегося в паутине кривых московских улочек неподалеку от Добрынинской площади. От нетерпения она даже перепрыгивала через ступеньки. Каблочки звонко стучали по истертому мрамору, светлый хвостик волос подпрыгивал в такт шагам, щеки горели, а нос забавно морщился, словно приюхиваясь к заманчивым ароматам, доносящимся с третьего этажа. Совсем запыхавшись, она позвонила, и дверь почти тотчас открылась – на пороге стоял высокий длинноволосый молодой человек. Именно его двадцатилетие здесь и праздновали. Увидев гостью, он заулыбался:

– Привет! Там что, дождь? Ты вся в капельках!

– Ага, дождь! А на твой день рождения всегда дождь, не замечал?

Молодой человек с удовольствием окинул взглядом ее небольшую ладную фигурку.

– Вот, это твоей маме. А это тебе. – Девочка вручила ему букет и книгу, перевязанную ленточкой с бантом, и он пристроил подарки на столик у зеркала. – Поздравляю! И желаю... ну... всего, чего хочется!

– А поцеловать именинника?

Девочка чуть покраснела, привстала на цыпочки и целомудренно чмокнула его в щеку.

– Ты так славно пахнешь, – растерянно произнес молодой человек, не в силах отвести взгляд от серых, широко распахнутых глаз, что смотрели на него с восторженным обожанием. Пахло июньским дождем, пионами... и еще чем-то, неуловимым, но влекущим... Может, расцветающей юностью?

И вдруг он поцеловал ее сам, в губы – получилось так по-настоящему страстно и сильно, что на пару мгновений они выпали из реальности, а вернувшись, взглянули друг на друга с испуганным изумлением. Юноша виновато улыбнулся и сбежал к гостям, а потрясенная девочка закрыла глаза и провела пальцем по губам, которые он только что целовал...

Пятнадцать лет спустя девочка, которая давно уже стала взрослой женщиной, вспоминала этот поцелуй – первый в ее жизни! – сидя в полупустом вагоне пригородной электрички. Ася ехала на дачу. Два часа назад она окончательно разругалась с мужем и решила, что завтра же подаст заявление на развод. Сделать это надо было давно, и Ася сама не понимала, зачем так долго тянула. Конечно, чистое безумие – отправиться на старую дачу: на дворе уже начало марта, но зима не сдаётся, навалившись на Москву неожиданными снегами и морозами. Но к родителям не хотелось: пристанут с расспросами, да и тесно там, не приткнешься.

И зачем она только вспомнила тот поцелуй? Почему вспомнила, понятно – но зачем? Только лишнее расстройство. И она вздохнула так громко, что оглянулся сидевший через лавочку мужчина. Ася с независимым видом отвернулась к непроглядно-темному окну: где это мы? Не проехать бы...

С мужем они прожили почти три года, хотя Ася сразу пожалела о своем решении, принятом под влиянием секундного помрачения рассудка. Эдик Калинин давно не давал проходу Асе Зацепиной, еще со школы, а в тот день у нее было особенно тягостно на душе. Эдик сидел напротив, пил чай, смотрел на Асю тоскливым взглядом и совершенно не подозревал, о чем думает в этот момент девушка его мечты. А девушка довольно мрачно размышляла: «Может, согласиться? Чего я жду? Двадцать семь лет, родители уже всю душу вынули на тему семьи и детей, как будто мало им младшей дочери, выскочившей замуж в девятнадцать. И внук уже есть, вон орет благим матом. Описался, наверное. А Эдик... Он вообще-то ничего, вполне симпатичный. Знаю его сто лет. И любит

вроде бы. Вдруг удастся из него человека сделать?..»

Ася машинально откусила овсяное печенье и взяла в руки журнал «Семь дней», который только что принесла мама. Взяла, посмотрела на обложку, нахмурилась и выпустила журнал из рук. Он шлепнулся на пол, а Эдик полез поднимать.

– Ладно, давай поженимся, – сказала Ася, отрешенно глядя в окно, и Эдик от неожиданности стукнулся головой о столешницу. Когда Ася повернулась к нему, построив на лице вполне правдоподобную улыбку, журнал уже снова лежал на столе, а с обложки все так же, как и минуту назад, улыбался высокий красавец в смокинге, обнимающий за талию свою невесту в необыкновенно изысканном платье с глубоким декольте...

Ася вышла в Вешняково и поежилась: холодно. Куртка была уже весенняя, тонкая, как и забавная ушанка, а сапожки на каблучках годились только для московских тротуаров. Валенки точно не помешали бы, думала Ася, проваливаясь в сугроб чуть не по колено. Она наконец добрела до дома, но тут из-за поворота показалась машина, которая резко затормозила у калитки. Ася не поверила своим глазам: из машины вылез Эдик.

– Какого черта ты тут делаешь? – заорал он.

Ася расвирепела:

– Это мой дом вообще-то. А тебя что принесло?

Пребираясь с Эдиком, который пробирался по протоптанной ею тропинке к крыльцу, Ася торопливо открывала замерзший навесной замок. Наконец справилась и юркнула в дверь, захлопнув ее перед носом Эдика.

– Да что ж это такое! – Эдик запрокинул голову к черному небу, с которого мерно падали крупные хлопья снега, погрозил небесам кулаком и начал ломиться в дом.

Семейные тайны

Снег шел третий день подряд. Он завалил все вокруг мягкими белыми хлопьями, укутал тишиной. Начало марта, а такой снегопад! И холодрыга. Лежа на диване, Сергей Алымов время от времени посматривал в окно на медленно падающий снег. И герань на окне была, как нарочно: «Снег идет, снег идет. К белым звездочкам в буране тянутся цветки герани за оконный переплет...»? [1 - Стихи Бориса Пастернака.]. И точно, тянутся – красные и розовые. «Полить, что ли?» – подумал Алымов и лениво поднялся. Он жил в загородном доме своего приятеля Саввы уже четвертый день: не спал ночами, до полудня валялся в постели, питался какими-то замороженными полуфабрикатами, разогревая их в микроволновке, принимался читать, но ни одну книжку не осилил дальше десятой страницы. Какое счастье, что пошел снег! В первый день снегопада Сергей вышел в сад и упал, раскинув руки, в невысокий еще сугроб. Снежинки летели в лицо, мягко щекоча кожу, и он высунул язык, чтобы попробовать их на вкус. Потом встал, нашел лопату и принялся чистить дорожки. Так и жил: расчищал дорожки, потом бегал по ним, потом опять расчищал. Но что бы он ни делал, тоска не убывала.

Сережа Алымов был родом из театральной семьи: его дед, столяр-краснодеревщик, пришел в декорационный цех вслед за женой. Лев Иннокентьевич Вержбицкий не рискнул оставить без присмотра свою на редкость хорошенькую супругу – знаем мы этих артистов! На самом деле Анечка Алымова с детства грезил театром, но ни родители, ни муж не поощряли ее актерских амбиций, и она смирилась, удовольствовавшись ролью скромной костюмерши.

Их дочь Илария об актерской карьере и не мечтала, хотя выросла на редкость красивой. У Ларочки, как ее называли близкие, была прирожденная грация и выразительный голос, так что многие из театральных знакомых прочили ей успех на подмостках. Но невероятная застенчивость не дала развернуться ее талантам, и Лара пошла по стопам матери. Темноволосая, с зелеными миндалевидными глазами и очень белой кожей, она поражала гармонией облика и изысканностью жестов. Не удивительно, что отец Сережи поддался чарам застенчивой красавицы.

У Сергея было сложное отношение к отцу: необычайно талантливый, яркий, бесшабашный и легкомысленный, Олег Горячев стремительной кометой

пролетел по театральному небосклону и сгорел в тридцать восемь лет, оставив после себя толпы безутешных поклонниц и трех сыновей от разных женщин, лишь одна из которых приходилась ему законной женой. Всех сыновей он признал и всех нарек Сергееми – Алымова этот факт просто бесил. Роль Есенина, сыгранная сначала в училище, потом в театре, была отцовским звездным часом. Средний Сергей давно жил в Америке, занимаясь каким-то бизнесом, а младший, унаследовавший отцовский темперамент, но не талант, собирался, судя по всему, повторить и отцовский жизненный путь. Алымов был старшим. О существовании единокровных братьев он узнал в достаточно зрелом возрасте – младший родился в год смерти отца.

На самом деле Алымов даже не представлял себе, какое кипение страстей сопровождало его появление на свет. Ларочка Вержбицкая была поздним ребенком, и родители, особенно отец, по возрасту годящийся ей в дедушки, тряслись над дочкой, как над нежной мимозой. Собственно, она такой и была: не приспособленная к жизни, наивная, романтическая и застенчивая. Но упрямая и гордая – вся в отца, обладавшего непомерным польским гонором: его мать, по преданию, происходила из младшей ветви князей Вишневецких.

Забеременев, семнадцатилетняя Лара не сказала своему избраннику ни слова – молча ждала от Олега Горячева предложения руки и сердца, а он, еще только набиравший известность, порхал по жизни беспечным мотыльком и не особенно задумывался о женитьбе. Правда, девушка не сразу и поняла, что с ней происходит, так велика была ее наивность, усугубленная строгим домашним воспитанием. Все дальнейшее Илария пережила с трудом – скандал, который устроил ее отец, потряс театр подобно землетрясению: оба будущих деда были членами партии, а Ларочка – несовершеннолетней, так что дело вполне могло и до суда пойти. И свадьба состоялась: бледная невеста не поднимала глаз, стыдясь своего уже заметного живота, жених нервничал, а отцы смотрели друг на друга волками.

Ларе пришлось переехать в дом мужа, хотя она предпочла бы бежать куда глаза глядят. Но выбора не было. Робкой домашней девочке выпало жить бок о бок с совершенно чужими людьми – со свекром и его молодой женой. Квартира, конечно, у Горячевых была огромная, так что на самом деле боками толкаться не приходилось. И домработница имелась для облегчения хозяйственной жизни, и новые родственники относились к Ларочке неплохо, а свекор так даже и нежно, вызывая шуточную, но все-таки ревность жены – тоже беременной и потому капризной. Илария не капризничала, но жестоко страдала: совсем не так

представляла она свою первую любовь и замужество.

На самом деле Олег был вовсе не против жениться, просто это как-то не пришло ему в голову. Вернее, не успело прийти. Их с Ларой никто ни о чем даже не спросил: взрослые все решили сами. А Олег не на шутку влюбился: еще бы – такая нежная и прелестная девочка, словно выпорхнувшая из волшебного Зазеркалья! Он, вообще-то, не сильно отличался от своей невесты: девятнадцатилетний ребенок, избалованный и своенравный, хотя ласковый и добродушный. Мать Олега умерла, когда мальчику и десяти не было, так что отец растил его один – с помощью бесконечно сменяемых жен и домработниц. Новая мачеха появилась в доме совсем недавно, и Олег вел против нее затяжную позиционную войну, в которой проигрывал.

Лев Иннокентьевич Вержбицкий, жестоко разочарованный в обожаемой дочери, не принял ее обратно даже тогда, когда выплыла наружу неприглядная правда об измене Олега и прижитом на стороне ребенке. Илария пробыла в доме Горячевых почти три года и вернулась к матери только после кончины отца – на смертном одре тот пытался помириться с дочерью, но она не пошла навстречу. Ее обида оказалась сильнее. Карточный домик, который они все пытались построить, рухнул мгновенно. Илария на несколько лет совсем перестала общаться с Горячевыми и стала принимать их помощь только после смерти своей матери.

Сереза был домашним ребенком. В детский сад его не отдавали – сначала за мальчиком присматривала бабушка, потом мама стала брать его с собой в театр, где он играл среди пыльных камзолов, платьев с воланами и обрезков ткани. Историю собственного рождения он выяснил только спустя годы – мама на его прямой вопрос об отце, заданный лет в семь, сурово сказала: «Я вычеркнула его из своей жизни. Он нас предал». Больше мальчик не рисковал спрашивать. Илария Львовна не умела прощать, и Сереза очень долго боялся совершить что-нибудь такое, за что мама тоже вычеркнет его из своей жизни.

Впервые Сереза увидел отца лет в десять – тот неожиданно зашел к деду, у которого как раз гостил внук. Хотя Сереза уже успел впитать материнское отношение к «предателю», отец очаровал его мгновенно. Теперь он часто думал о нем, с нетерпением ждал встречи, которая случалась хорошо если раз в год, а когда стал постарше, дед втайне от матери водил его на отцовские спектакли. Для семнадцатилетнего Сергея было большим потрясением узнать, что родители до сих пор женаты: отец наконец затеял разводиться – по настоянию

своей очередной подруги, которая ждала ребенка. Но до развода он не дожид, так что Лара осталась его законной вдовой.

Последний раз Сергей видел отца незадолго до его смерти: вернулся вечером домой, услышал отцовский голос из маминой комнаты и изумился – Олег никогда не бывал у них дома. Голоса мамы не было слышно, отец же кричал в полном исступлении: «Это ты! Это ты во всем виновата! Жестокосердная! Я люблю тебя, а ты все простить не можешь. Сын наш без отца вырос». Серезу поразило слово «жестокосердная», и он как-то совсем по-другому оценил жизнь родителей. Вдруг стало очень тихо, и он, не выдержав, осторожно заглянул в дверь: отец стоял на коленях перед матерью и плакал, обняв ее ноги, а она смотрела на него... Так смотрела! Она до сих пор его любит, понял Сереза. Отец выбежал вон, не заметив сына, а Сергей тоже вышел во двор и долго сидел там на сломанной скамейке, не решаясь вернуться к матери. Олег Горячев умер через две недели: напился, несмотря на очередную вшитую «торпеду».

Перед матерью Сереза трепетал. Она редко повышала голос на сына, почти не наказывала, но ее молчание, иной раз многодневное, действовало очень сильно. В нем самом было такое же упрямство, поэтому каждое примирение давалось им с огромным трудом: пролив реки слез, сын наконец вымаливал прощение, и мама снова его любила, разговаривала с ним, улыбалась и целовала на ночь. Время от времени мальчик уставал от постоянного материнского давления и срывался в истерику. Потом Сереза сам нашел способ справляться с бьющими через край эмоциями – стал убегать. На даче или в городе он носился вокруг дома, пока не успокаивался окончательно. Он пытался бунтовать: почему, почему взрослые никогда не спрашивают, чего он на самом деле хочет, и все всегда решают за него?

Первым самостоятельным поступком Серези было избавление от локонов. Его раздражали эти девчачьи кудри, и в последнее лето перед школой он сам состриг их большими и не слишком острыми ножницами. В тот день за ним присматривала бабушка – при матери он бы не осмелился. Когда мама приехала из города на дачу и увидела, что стало с ее маленьким лордом Фаунтлероем, разыгрался страшный скандал, который Сереза переживал под кроватью, замирая от ужаса и ликования: а кудрей-то все равно нет! И теперь он пойдет в школу как обычный мальчик, а не этот противный лорд Фанлерой! Женщины кричали друг на друга шепотом (приличия прежде всего). Конечно, во всем оказалась виновата бабушка Аня, как та ни оправдывалась, говоря, что постригла бы мальчика поаккуратней. Наконец скандал утих, и бабушка ушла,

хлопнув дверью.

– Немедленно вылезай из-под кровати! – железным голосом велела мама. Сережа покорно вылез, не ожидая ничего хорошего. Она посадила его на табуретку перед зеркалом, быстро состригла остатки волос, а потом ловко обрила голову безопасной бритвой.

– Тебе не нравились кудри? Ходи так!

Сережа смотрел на себя в зеркало, и у него дрожали губы. Загорелое личико резко контрастировало с безволосой и какой-то синюшной головой, уши торчали лопушками, глаза, полные слез, казались огромными. Но плакать было нельзя. Поэтому он молча сполз с табуретки, надел панамку и ушел в сад.

К сентябрю волосы слегка отросли, но все равно вид у него был на редкость дурацкий. К тому же в школе Сережа резко выделялся своими манерами – он с пяти лет умело пользовался при еде ножом и вилкой, а выражался слишком изысканно для первоклассника. В классе его не затравили только потому, что он, привыкнув лавировать между родственниками, довольно быстро сориентировался и занял нишу местного дурачка, вечного клоуна, забавного и безвредного. Учился он, к удивлению учителей, очень даже хорошо, а у него просто не было другого выхода: мама ругала даже за четверки.

Высокий худенький мальчик, подвижный, как обезьянка, с вихрами жестких непослушных волос, которые уже больше не завивались после кардинальной маминой стрижки, смешил своими выходками одноклассников и учителей, срывая уроки, а на физкультуре поражал всех необыкновенной ловкостью и гибкостью, легко садясь на шпагат. Дружил он больше с девочками, хотя всей душой рвался в заманчивый и несколько для него таинственный мальчишеский мирок. Но времени на баловство практически не было: английский, гимнастика, музыка – в доме Вержбицких было пианино. Гимнастику он выбрал сам, английский ему давался легко, а по поводу музыки бесконечно воевал с мамой, и она в конце концов смирилась.

Илария Львовна вообще сильно изменилась после смерти Сережиного отца: стала мягче, нежнее и словно отпустила сына, признав его право на самостоятельность, так что иной раз Сережа с некоторой оторопью ощущал себя взрослее матери. К десятому классу он выровнялся, окреп и догадался

отпустить волосы подлиннее. Девочки, до сих пор воспринимавшие его скорее как подружку, вдруг обнаружили, что вечный шут Сережка весьма привлекателен, и он успел собрать богатый урожай первых объятий и поцелуев. Но тут школа и закончилась.

Получая паспорт, Сергей взял девичью фамилию бабушки Анны – не хотел никаких ассоциаций с отцом, а дедова фамилия не слишком годилась для будущего актера: Сергей Вержбицкий, язык сломаешь! Хотя красиво. Но Алымов – тоже неплохо. Сережа был очень похож на отца, только повыше ростом. Копна темно-русых волос, черты лица, общий очерк фигуры, манера двигаться, жестикуляция, обаяние – все было отцовским. Кроме глаз, которые достались от матери: зеленые, миндалевидные, чуть раскосые, они придавали неожиданную утонченность его облику. «Каков красавец! Готовый Жюльен Сорель», – воскликнул один из экзаменаторов в театральном, увидев Сережу. «Простите, а вы, случайно, не Олега Горячева сын?» – спросил другой, но Сергей хмуро отрекся от родства.

Поступив в театральное училище, Алымов впервые почувствовал себя в родной стихии – все вокруг были такие же странные, как он сам. Сережа оказался самым юным на курсе: все остальные парни уже либо отслужили в армии, либо поучились в других вузах, а кое-кто даже поработал в театре. Сначала он по школьной привычке продолжал валять дурака, быстро заслужив прозвище *enfant terrible*? [2 - Несносный ребенок (фр.).] от острой на язык Ольги Семеновны, занимавшейся с ними сценической речью. Продолжалось это почти до конца первого курса – все изменил нечаянно подслушанный разговор все той же Ольги Семеновны с преподавательницей ритмики Аллой Петровной. Сергей забыл в аудитории шарф и вернулся. Хотел было войти, но остановился за дверью, услышав собственную фамилию:

– Алымов-то? Молодец, – произнес голос Аллы.

– Но какая неуверенность в себе, – вздохнула Ольга Семеновна. – И это при столь мощном таланте!

– Хоть и говорят, что на детях гениев природа отдыхает, но вы посмотрите на его семью – три поколения подряд!

– Ну, Олег-то в основном обаянием брал. Бронебойной силы обаяние было, женщины так к ногам и падали. Сережа гораздо сильнее как актер. Но дури в голове много. Может, еще перебесится.

– Да, Олег и внешне попроще был, а этот... Просто смерть женскому полу! Такая изысканность!

– Мне он чем-то напоминает юного Жана Маре. Но более хрупкий, конечно.

– Орфей? Возможно.

– Там, говорят, еще и мама невероятная красавица. Своеобразная внешность у мальчика, да. Между ангелом и бесом. Может и невинного отрока сыграть, и демонического злодея. Хотя... демон-то и есть падший ангел.

– Будем надеяться, наш ангел крылья не обломает.

Сережа понял, что дамы сейчас выйдут, и стремглав кинулся в ближайший туалет – постоял, растерянно таращась на раковину, потом включил воду и сунул голову под кран. Немножко опомнившись, он отправился за шарфом, нашел его, обмотался, потом опять снял и сел прямо на пол у стены, переваривая услышанное: неужели это все говорилось про него? Мощный талант? Сильнее, чем отец? Между ангелом и бесом?

Дома он долго рассматривал себя в зеркале, искренне не понимая, что в нем такого особенно прекрасного – сам он видел себя каким-то уродцем, не похожим на нормального парня: слишком крупные и яркие глаза, слишком длинные ресницы, слишком женственная, как ему мнилось, пластика. Он знал, что умеет нравиться, но никак не относил это к собственной красоте, и сам предпочел бы выглядеть более мужественно, а не так... изысканно. Конечно, он не удержался и все рассказал маме.

– Правда? Так и сказали: «мощный талант»? Надо же! – Илария Львовна посмотрела на сына с радостным удивлением. – Про ангела и беса интересно. Будем надеяться, что ангела все-таки больше. А то ведь в некоторых людях живет дьявол, в некоторых – Бог, а в некоторых – только глисты.

– Мама! Ну, ты и скажешь!

– Это не я, это Раневская.

Подслушанный разговор изменил Сергея, заставил внутренне распрямиться и поверить в себя. Актерство было у него в крови. Бенедикт и Теодоро, граф Парис и принц Калаф, Дориан Грей и Жорж Дюруа – он переиграл в этюдах и учебных постановках всех романтических любовников и авантюристов. И не только в этюдах – девушки просто не давали ему прохода, так что «принц Калаф» легко и бездумно переходил из одних объятий в другие, сопровождаемый потоками слез и звоном разбиваемых сердец.

А на втором курсе Сергей неожиданно для всех женился на однокурснице Наталье – не самой красивой из его поклонниц, но бойкой, энергичной и талантливой. Друзья пребывали в шоке, подружки были безутешны, а Илария Львовна встретила новоявленную невестку в штыки. Скоропалительный брак не продержался и года, а Сергей с легким недоумением вспоминал потом эту авантюру, затеянную им, скорее всего, для доказательства собственной взрослости и самостоятельности. Какая там взрослость! «Муж – объелся груш», – долго дразнила его мама, которая вздохнула с облегчением, избавившись от Натальи, а «граф Парис» с новыми силами ринулся в водоворот страстей.

Алымов окончил училище в девяносто первом – начавшаяся перестройка порушила все его честолюбивые планы, и пришлось пойти в тот театр, где работала его мать и за кулисами которого он практически вырос. Специально под него в театре поставили «Портрет Дориана Грея», на который публика просто ломилась, так что взлет у молодого актера получился стремительным.

А потом он встретил Дару. На самом деле ее звали просто Дашей, Дарьей, но имя Дара казалось ей более выразительным. Яркая голубоглазая блондинка, темпераментная и очень сексуальная, она к тому же прекрасно пела и танцевала. Познакомились они на съемках в Польше, а поженились во время работы в сериале, куда именно Дара его и затащила. Алымов плохо понимал, как это произошло – очевидно, у него совсем снесло крышу на почве неожиданного, невероятного, просто бешеного успеха, который обрушился на него в Польше после выхода фильма «Крестоносцы» по роману Генрика Сенкевича. Сергей играл одну из главных ролей, и афиши с его портретом висели по всей Варшаве.

Только потом он осознал, что в их отношениях с Дарой не было ничего человеческого – один яростный секс. Хотя, что скрывать, на первых порах его это вполне устраивало. Анализируя прошедшее, Сергей догадался, что Дара просто сделала на него ставку. Но вся слава Алымова так и осталась в Польше – в России этого фильма никто не видел. Роли Дориана Грея, а потом Вадима Дульчина из «Последней жертвы» Островского принесли ему известность в театральных кругах, но в кино самой серьезной работой Сергея так и оставалась «Капитанская дочка», где он сыграл Гринева, хотя мечтал о Швабрине.

Дара очень быстро поняла, что промахнулась: Алымов никогда особенно не гнался за деньгами, не любил светскую жизнь и вообще оказался довольно скучной личностью. Она, конечно, пыталась его переделать, и на первых порах у нее даже получалось – гораздо лучше, чем у Алымова, который наивно предполагал, что сможет как-то «развить» и «воспитать» эту провинциальную девочку. Между ними было лет восемь разницы, но казалось – целое столетие. Поначалу Алымова забавляли и чудовищный лексикон Дары, и дремучее невежество, и немереное честолюбие, а постоянное вранье и цинизм казались только маской, которая прикрывает нежную и ранимую душу. При ближайшем рассмотрении никакой души не оказалось вообще.

В том самом судьбоносном сериале Сергей начал сниматься с интересом, но довольно скоро понял, что он из разряда постановок, которые Фаина Раневская называла «плевком в вечность» – с такой развесистой клюквой из жизни российской аристократии начала девятнадцатого века он столкнулся впервые. Продюсеры были американцами, и их абсолютно не волновало, что русские девушки того времени не завязывали волосы в «конский хвост» и не размахивали руками, как ветряные мельницы, а мужчины не надевали к фраку сапоги со шпорами. А что говорить о диалогах, да и о самом сюжете! Но деваться Алымову было некуда – контракт есть контракт, поэтому он постарался внести хоть немного здравого смысла и профессионализма в этот бред невежественных дилетантов. В результате его герой – второстепенный злодей – как-то очень быстро выдвинулся на первый план: продюсеры оценили харизматичность, эффектную внешность и несомненный талант актера, так что сценаристы стали развивать рождающийся на ходу сценарий в нужном направлении. Через пару серий герой Алымова благополучно избавился от главного злодея и занял его место, а заодно и персонаж Дары – молоденькая горничная – получил несколько лишних сцен.

Сергею было неловко перед мамой, которая чем дальше, тем больше недоумевала, ужасаясь многочисленным ляпсусам фильма, и приставала к сыну с вопросами, на которые у него не было ответов: он уже устал ей объяснять, что деньги теперь решают все – раз продюсеры так хотят, значит, так и будет. А деньги были большие! Они устроили пышную свадьбу, потом обзавелись шикарнейшей квартирой и не менее шикарными машинами, Дара покупала наряды лучших модельеров и восторженно сияла со страниц глянцевого журнала и с телеэкрана. И Сергей с ней за компанию, хотя ему не слишком нравилась эта внезапная известность – его театральные работы были несравнимо глубже. Потом Дара потащила его в другой сериал – ей удалось получить там главную роль следователя прокуратуры, а Сергею предстояло стать лихим оперативником – он рассмеялся, услышав это предложение:

– Дара, о чем ты говоришь? Какой из меня мент? Да зрители умрут от смеха.

– Не умрут. Пипл все схавает. А тебе давно пора расширить сознание, а то заплесневел совсем: плащи и шпаги теперь не актуальны.

И он согласился – почему бы действительно не расширить сознание? На съемках этого ментовского сериала они и развелись: оказалось, что режиссер дает указания актрисе не только на съемочной площадке, но и в постели.

А ведь Алымов не предупреждал только ленивый, начиная с самой верной, но безумной поклонницы: звали ее Анфисой. Когда-то она работала у них в театре в костюмерной, но потом уволилась. Никто не знал, чем и как она живет, но каждую весну и осень Анфиса появлялась в театре, пытаясь опять устроиться на работу. Ее конечно же не брали, хотя у бедной женщины руки были просто золотые. Алымов старался не попадаться у нее на пути, потому что избавиться от Анфисы было трудно, а выслушивать каждый раз ее многословные комментарии к собственной жизни не хотелось: и снимается он не в тех фильмах, и женщин выбирает ужасных, и на последнем спектакле совсем не старался, а играл через силу... Хвалила Анфиса редко, и Сергей, удивляясь сам себе, с трепетом ждал ее похвалы – безумная тетка, конечно, но вкус у нее просто безупречный. Но в этот раз Алымов просто не стал вникать, почему ему не следует жениться на Даре – сунул Анфисе денег и позорно сбежал под ее громкие крики: «Ты пожалеешь, пожалеешь! Она всю кровь из тебя выпьет!» Даже дед, который никогда особенно не встречал в личную жизнь внука, поскольку сам был не без греха, и тот не удержался. Пожалуй, между ними никогда еще не было столь серьезного разговора.

– Конечно, не мне бы тебя жизни учить, – сказал старик, раскуривая трубку. – Вряд ли ты послушаешь, но все-таки скажу. Понимаешь, в каждом из нас много чего намешано, и хорошего, и дурного. Есть женщины, которые способны вознести нас к небесам. А есть такие, что бросают в бездну. И подняться бывает трудно. Так что подумай. Это я возвышенным слогом изложил, а попросту говоря, есть женщины, а есть б...и. А твоя еще и стерва. Неужели сам не видишь?

Потом, когда все закончилось, Алымов не раз повторял себе слова деда. Каким наивным глупцом он оказался!

Когда он вспоминал, что говорила и делала бывшая жена, его передергивало от отвращения. Он не понимал, как сам мог участвовать в дурацких гламурных фотосессиях, давать идиотские интервью, которые потом журналисты еще и перевирали; как мог шляться по бесконечным светским тусовкам и разгуливать по красным ковровым дорожкам доморощенных кинофестивалей, куда Дара выводила его, словно породистого пса, увешанного призовыми медалями! Конечно, они были блистательной парой. Алымов иной раз случайно натыкался на собственное изображение в глянцевого журнале – смокинг, голливудский оскал, рядом – Дара, ослепляющая красотой и блеском бриллиантов от Сваровски. Первая их грандиозная ссора случилась из-за рекламы, в которой он категорически отказался сниматься. Сначала он решил, что это шутка, и рассмеялся:

– Ты хочешь, чтобы я снимался голым? В рекламе мужского парфюма? Ты что, совсем с ума сошла? Да я даже в девяностых в рекламе не снимался!

– Не звали, небось, вот и не снимался. А что такого? Самую красоту они прикроют, а жаль. Не понимаю, чего ты стесняешься? Ты, конечно, уже не мальчик, но тело у тебя – просто супер! Высший класс!

– Я не проститутка, чтобы торговать своим телом.

– Да ладно! Можно подумать! Актерство – самая бл...ская профессия. Главное – подороже продаться. А там такие деньги предлагают.

– Это же чудовищная пошлость, как ты не понимаешь?

– Эх, жаль, они только мужской парфюм рекламируют. Ну ладно, что ты так надулся? Не хочешь – не надо. Но я не понимаю, чего ты выпендриваешься? В кино-то снимаешься, и ничего. Тот фильм – ну, с блондинкой, помнишь? Я на тебя сразу запала: такой роскошный мужик, хочу-хочу! Ой, смотрите – он покраснел! Алымов, ты как монашка! Так и хочется совратить. А все твоя мамочка – воспитала из тебя красну девицу. Даже смешно, честное слово!

– Оставь маму в покое.

– Ну ладно, Алымчик, снялся бы, что тебе стоит?..

– Может, еще оператора пригласишь, чтобы отснял нас в постели?

– Хорошая идея! Как это мне в голову не пришло? В постели с Алымовым. Класс!..

Сергей рассвирепел, но Дара ловко умела с ним обращаться, и ссора закончилась бурным сексом, после которого у Алымова, правда, осталось какое-то гнусное послевкусие. Рядом с Дарой Сергей особенно остро чувствовал, что непоправимо старомоден, излишне щепетилен, слишком серьезен. Дара же серьезно относилась только к деньгам, все остальное ее мало заботило. «По жизни надо скользить, не углубляясь!» – таков был ее девиз. Вот она и скользила.

А через пару месяцев после ссоры он застал Дару в постели с любовником, и пока незадачливый кавалер лихорадочно одевался, Дара, совершенно голая, лежала, закинув руки за голову, и улыбалась. А когда любовник наконец сгинул, она встала, подошла к Алымову, потерявшему дар речи и всякое соображение, и захотела поцеловать в губы – он резко отвернулся. Тогда она распахнула его рубашку и стала целовать грудь, шею и плечи, запустив руку ему в джинсы. Он не сразу опомнился, почувствовав привычное возбуждение – Дара заводила его с пол-оборота. Алымов оттолкнул ее, довольно резко, и Дара упала на пол, неловко раскорячившись, но тут же села и еще шире раздвинула ноги. Сергей невольно взглянул туда, куда указывала полосочка аккуратно выбритых волос внизу живота, и почувствовал, что его сейчас вырвет, с ужасом подумав, что наверняка много раз спал с ней сразу после очередного любовника.

– Что ты на меня так смотришь? – прошипела Дара. – Не нравлюсь? А раньше нравилась. Забыл, как ты?..

– Заткнись, шлюха.

– А ты-то кто такой? Том Круз? Ты – полное ничтожество! Если бы я не вытащила тебя из твоего затхлого театра, ты так и сдох бы в пыльных кулисах! Ты...

Но он не стал больше слушать.

Приехав к матери, Алымов целый вечер метался между ванной и унитазом – его выворачивало при малейшем воспоминании о Даре. Стоя в очередной раз под душем, он чуть не плакал от стыда и унижения и, если б мог, разбил бы голову о кафельную стену. Сергей не хотел, не мог ее больше видеть. Не видеть, не слышать, не помнить. Ни ее, ни режиссера-любовника. Но уже завтра надо было ехать на съемки – шоу должно продолжаться. Он еще не знал, что шоу только начинается. Встревоженная мама отпаивала его крепким чаем с лимоном, ничего не спрашивая, и Сережа сам сказал, опустив голову:

– Я развожусь с ней.

– Ничего, ничего, все образуется, не переживай, дорогой.

Он отправился было на тренажеры, но сил никаких не было, и, бесцельно побродив по квартире, пришел к маме, которая вязала перед телевизором. Он сел на пол у ее ног и прислонился к коленям. Илария Львовна отложила вязанье и стала гладить его по голове.

– Что ты смотришь? – спросил он, чувствуя, как снова подступают слезы.

– Нашла старое кино, там твой дед играет.

Фильм был черно-белый, наивный, пропитанный советскими штампами, но поразил Алымова не-обыкновенным целомудрием и чистотой отношений между героями. Дед Горячев – еще совсем молодой и плакатно-красивый, изображал комсорга на заводе: обличал тунеядцев и боролся за повышение показателей, заодно выводя на путь истинный заблудшую комсомолку. Комсомолка смотрела на своего спасителя так, что сразу становилось ясно: влюблена не только героиня, но и сама актриса.

– Сейчас будет сцена собрания, смотри внимательно, – вдруг сказала мама. – Покажут зал, в первом ряду в центре увидишь девушку с косами. Это твоя бабушка, мать Олега.

Алымов покосился на маму, которая неотрывно смотрела на экран – впервые в жизни она назвала отца по имени. Он взял ее руку, которая так и лежала у него на плече, и поцеловал.

– Вот, смотри.

Сергей увидел светловолосую девушку с широко распахнутыми глазами – она смотрела прямо в камеру, как бы на оратора, стоявшего на трибуне, и перебирала пальцами кончик косы, потом улыбнулась...

Сергею вдруг стало так тошно, что он, не выдержав, уткнулся в материнские колени и простонал:

– Ну почему, почему я такой идиот!

На следующий день на съемках Дара держалась как ни в чем не бывало, а режиссер отозвал Алымова в сторону:

– Слушай, ты извини, что так вышло. Она мне сказала, что у вас все кончено, разводитеесь – вот я и поперся, как дурак.

– Теперь разводимся, – процедил Алымов сквозь зубы.

– Вот черт! Но ты доиграешь? У тебя ж контракт, ты помнишь?

– Доиграю.

Алымов так посмотрел на режиссера, что тот побледнел и слегка попятился, ожидая удара. Но Сергей сдержался. Из развода Дара устроила целое шоу – но развод оказался самой меньшей из последовавших неприятностей: Дара с той же страстью, с какой прежде вещала всему миру об их с Алымовым несказанной любви, взаимопонимании и доверии, теперь рассказывала о его чудовищном эгоизме, паталогической жадности, пьянстве, жестокости и постоянных

изменах. Пресса жадно накинулась на растерянного Алымова, который недоумевал и попытался было говорить с Дарой: он ушел от нее без судов и разборок, оставил ей квартиру, а деньги она предусмотрительно прибрала сама, сняв с общего счета – так чего ей еще надо, какого рожна? Ничем хорошим этот разговор не закончился, только у журналистов желтой прессы появилась новая тема: «Известный актер театра и кино преследует свою бывшую жену». Он плюнул и отступился.

Сергею было мучительно стыдно перед мамой, которая вынуждена читать всю эту грязь. Алымов прятался от журналистов и чувствовал себя загнанным зайцем. Главное, он никак не мог понять: почему, за что? Друг Савва, отбирая у Алымова очередной глянцевого журнал с очередным интервью Дары, которое Сергей читал с болезненным отвращением, сказал:

– Прекрати этот мазохизм. Что ты душу себе рвешь? Забудь эту суку раз и навсегда.

– Савва, но ведь это же все вранье. От первого до последнего слова.

– Вот и не читай. Какого хрена ты вообще читаешь это дерьмо?

– Я пытаюсь понять...

– Зачем? Зачем тебе это понимать? Да там и понимать-то нечего! Нападение – лучший вид защиты, только и всего.

– Это она так защищается? От меня? Но я же не нападаю на нее. И не собирался.

– Да она-то этого не знает, Сереж! Она по себе судит. Решила, что ты сейчас ей всю карьеру поломаешь.

– Черт знает что... И как мне теперь жить?

– Как жил, так и живи. Плюнь и разотри. Это все забудется через неделю, я тебя уверяю.

Но сколько ни утешали Алымова друзья и близкие, он мучился, не спал ночами и ловил себя на том, что без конца принимает душ, смывая несуществующую грязь. Сергей старался не вспоминать Дару – он ненавидел ее так, что руки сводило от желания придушить. Ненавидел, да. Но после очередного припадка ненависти она снилась ему в самых непристойных позах и сценах, так что просыпался он разбитым и уничтоженным.

А потом умерла мама.

Внезапно.

Он пришел поздно вечером и нашел ее, бездыханную, перед включенным телевизором. И жизнь Алымова окончательно рухнула. Он физически ощущал свою вину – непоправимую, бесконечную и невыносимую. Сергей, наверное, запил бы, если б мог, но его организм не переносил алкоголя ни в каком виде. Поэтому он маялся, не зная, что с собой делать – как, каким способом избыть эту боль? Горе и чувство вины оказались просто неподъемными. Все это время он жил у Веры Павловны, бывшей жены деда Горячева, при которой он родился и которую с детства привык звать теткой. Он был не в силах вернуться в дом, где умерла мама. Первый месяц Сергей вообще не помнил, но тетка уверяла, что спектакли он отыграл нормально. Понимал, что мешает Вере Павловне: несмотря на далеко не юный возраст, у нее была весьма бурная личная жизнь. От тетки он и сбежал к Савве на дачу – уж очень Вера Павловна доставала своей сочувственной заботой. Да и вообще, шуму от нее слишком много. Сергею хотелось собраться с силами, подумать, как жить дальше. Надо было возвращаться домой. Он оттягивал этот момент, вот и к Савве даже поехал, обманывая сам себя: в тишине ему, видишь ли, побыть надо! Еще не тошнит от этой тишины? Савва долго колебался: стоило ли отпускать Алымова одного?

– А ты там никаких глупостей не наделаешь?

Сергей угрюмо ответил:

– Не бойся, я об этом больше не думаю.

– А думал?

– Да не слишком серьезно, – признался Алымов. – И вообще, какой-то фарс получился. Я у тетки был, полез зачем-то в холодильник, смотрю – бутылка водки. И вдруг подумал: да вот же выход! Хоть напьюсь раз в жизни. Ну, достал. А там такая штучка на горлышке...

– Дозатор.

– И я, как дурак, не смог справиться, представляешь? Не льется, и все!

– Ну да, она ж холодная, загустела...

– И уронил. Разбил, конечно. Думаю: даже этого я не смог. А потом представил, как придет тетка и скажет: «Поллитру? Вдребезги? Да я тебе за это!» – и мне так смешно что-то стало. Ну, и все. А потом мне подумалось: а вдруг они меня обманывали всю жизнь? Ну, про непереносимость алкоголя? Боялись, что я на отцовскую дорожку сверну? Я-то ничего такого про себя не помню. Вот хохма была бы, если б я выпил – и ничего. Но проверять что-то не захотелось.

Савва только покачал головой, но слегка успокоился: раз Алымов может шутить – значит, пошел на поправку.

Глава 2

Что скрывал снег

Полив герани, Сергей натянул куртку и снова отправился чистить дорожки. Он дошел до угла дома, когда послышался рев мотора, звуки резкого торможения и крики – Алымов выглянул за калитку. Машина стояла у одного из соседних домов, а на крыльце происходила какая-то возня. Потом дверь захлопнулась, и кто-то забарабанил в нее, крича:

– Открой! Открой, зараза!

Это был старый, слегка покосившийся дом, огороженный простым штакетником и выглядевший совсем непрезентабельно среди окружавших его «дворцов».

Действо на крыльце продолжалось: парень, кажется, всерьез собрался ломать дверь, оглашая окрестности забористым матом.

- Какие-то проблемы? – спросил Алымов, подходя поближе.

Парень шарахнулся:

- А тебе чего надо? – Но тон сбавил. – Это семейное дело.

- Эй, в доме! Вам помощь нужна? – закричал Сергей в дверь.

Дрожащий женский голос ответил:

- Подержите его, пожалуйста. Я милицию сейчас вызову.

- Ну вот, а ты говоришь – семейное.

Но парень не стал ждать милицию и быстро сбежал с крыльца. Машина, надсадно завывая и увязая в снегу, развернулась и исчезла из виду. Сергей прислушался. За дверью не было слышно совсем ничего – ни плача, ни дыхания.

- Послушайте, – сказал он, внутренне морщась от собственного натужного благородства. – Вам никак нельзя оставаться в этом доме. Вы замерзнете, пока прогреется. Да и этот ваш... может вернуться. Вы не хотите поехать обратно в Москву? Я провожу вас до станции. Что вы говорите?

Она вдруг вышла из-за двери, и он чуть не упал со ступенек.

- Я говорю, электричек на Москву больше не будет до утра. – Девушка старалась не трястись, но у нее плохо получалось.

- Ну, тогда... может быть?.. Давайте, что ли, пойдём ко мне, дом большой, места всем хватит.

- Ладно.

В теплом доме она затряслась еще больше и не стала раздеваться, съезжившись на стуле.

– Не хотите ли чаю? – вздохнув про себя, произнес Сергей: ну вот, теперь придется разговаривать, проявлять гостеприимство.

– А чего-нибудь покрепче нет?

– Покрепче? Сейчас посмотрю, может, и есть. Это вообще-то не мой дом, а приятеля. Пустил пожить на некоторое время. Вот коньяк есть. Чай с коньяком – это то, что вам нужно.

Они сидели друг напротив друга за круглым столом, девушка грела руки о стакан с чаем, а Сергей исподтишка ее разглядывал. Из-под забавной шапки-ушанки были видны только серые заплаканные глаза, покрасневший нос, обиженные губы. И румянец на щеках от мороза.

– Это был мой муж, – неожиданно сказала она.

– Я почему-то так и подумал.

– Бывший. Я от него ушла.

– Понятно. Зачем вы вообще за него выходили, за такого придурка? – сказал Алымов и подумал: «Чего я лезу, какое мне дело до ее мужа?»

– Зачем-зачем. Затем! А ты зачем на своей дуре женился? Читай теперь во всех журналах про вашу дивную семейную жизнь и гнусный развод.

– Что? О, черт!

– Ну конечно, конечно! Как тебя не узнать – такого популярного! А вот ты меня совсем не узнал. Да, Ёжа? – Она наконец скинула куртку и сняла ушанку, встряхнув светлыми волосами.

– Ёжа? – Алымов смотрел на нее во все глаза. Не может быть! Только один человек на всем белом свете называл его этим смешным именем. – Ася?

Малявка? Откуда ж ты тут взялась?

Алымов так обрадовался, что схватил ее в охапку и просто стиснул в объятиях. Ася запищала, а он с нежностью всмотрелся в ее покрасневшее личико, потом расцеловал и отпустил.

– Как ты тут оказалась?

– Я-то понятно как. – Она поправила волосы, не глядя на Алымова.

– Почему – понятно?

– Ёж, да что с тобой? Это ж наш дом. Ну, откуда ты меня спас. Вы у нас каждое лето дачу снимали, лет десять подряд, забыл? Или ты не узнал?

– Не узнал! Раньше по-другому все было, а теперь какие-то дворцы кругом. И называлось как-то не так.

– В перестройку переименовали. Была «Победа коммунизма», стало просто Вешняково.

– Ну вот, и тебя не узнал – под этой шапкой. Аська! Как я рад, ты не представляешь! Где ж ты пропадала все это время?

– Да так, особенно нигде. А как ты? – осторожно спросила Ася.

Он хотел было соорудить привычную мину под названием: «Аллес гут!» – наострил за эти месяцы, но поморщился и махнул рукой:

– А, кое-как.

Он смотрел на Асю и улыбался: счастье не умещалось в нем, выплескивалось наружу – казалось, вся кухня наполнена радостным сиянием.

– Понятно. – Ася смотрела на него с состраданием, и Алымову было почему-то приятно, хотя все это время он шарахался от малейших проявлений сочувствия,

как черт от ладана, замыкаясь в своем горе.

- Ася, сколько ж мы не виделись-то?

- Тринадцать лет.

- Тринадцать лет! С ума сойти...

- Я была на похоронах. Но ты меня, наверное, не видел.

- Да я вообще ничего вокруг себя не видел.

- Это было заметно. Я потом звонила, но...

- Я не жил дома все это время. - Он вздохнул. - Вот такие пироги, Малявка.

- Кстати о пирогах - а поесть у тебя что-нибудь найдется?

- Да, конечно! Господи, ты же голодная! Сейчас...

И он засуетился.

Устроив Асю на ночь, он вышел на крыльцо и постоял немного, вдыхая морозный воздух. Снег все так и шел. Сергею почудился какой-то отблеск на той стороне улицы, и он вышел за калитку - в Асином доме горел свет. Наверное, муж вернулся, решил он. Подумать только, у Аськи есть муж! У Малявки, которая родилась практически у него на глазах, которую он на руках держал! Она вроде сказала, что ушла от мужа? И правильно. Потом вспомнил: тринадцать лет не виделись! Когда же успело пройти столько времени?

В эту ночь Сергей заснул почти мгновенно, пребывая все в том же радостно-умиленном состоянии духа. Засыпая, усмехнулся: да тебе просто нужна была женщина рядом, только и всего. Но другой внутренний голос, звучащий из самых потаенных глубин его сознания, поправил: тебе нужна именно Ася, болван! Алымов сделал вид, что не слышал.

На самом деле Ася была всего на пять лет моложе Сергея – гигантский срок в детстве. Ему исполнилось шесть, когда почти годовалую Асю привезли к бабушке в дачный поселок «Победа коммунизма». Сережа впервые видел такого маленького ребенка и был потрясен: «Мама, смотри – она моргает! Она улыбается! Она живая!» Взрослые умилялись, а крошечная Ася таращила глаза и тянула ручонки к мальчику. Целое лето Сережа увлеченно следил за Асиной жизнью: она заговорила, она пошла! Первое Асино слово было «Сережа» – правда, звучало это сначала как «Ёдя», потом – «Ёжа», да так и осталось.

Каждое лето, приезжая на дачу, Сережа нянчился с Малявкой: играл, читал ей вслух, рассказывал сказки, учил читать и писать, узнавать время, подсовывал нужные книжки и даже с помощью мамы соорудил кукольный театр. Ася ходила за ним хвостиком и обожала так, что отъезд с дачи каждый раз превращался в трагедию. Илария Львовна придумала забирать девочку с собой в Москву, чтобы той легче было пережить расставание. Это стало ритуалом, неукоснительно соблюдавшимся: путешествие, ночевка в доме Вержбицких, возвращение домой.

До семи лет Ася жила у бабушки, потом мама забрала ее в Москву, так что дети виделись и на каникулах, особенно зимних: Сережа водил Асю на елки. Повзрослев, он часто приезжал к ним на дачу кататься на лыжах, или летом – купаться в пруду. Но время летело быстро, и вот уже Сергею стало не до елок и лыж – он стремительно вырастал, а Малявка никак за ним не успевала: его пятнадцать и ее десять, его восемнадцать и ее тринадцать... Разрыв все еще был велик. Ася по-прежнему приходила на его и мамин дни рождения, а когда Алымов поступил в театральный, стала бывать на всех спектаклях. Но время упорно разводило Ёжу и Малявку по разным дорогам, и в какой-то момент Ася совсем исчезла из жизни Алымова. На целых тринадцать лет...

Сергей резко проснулся и сел, не сразу поняв, что его разбудило: звук? Запах? Свет? Он посмотрел на часы – пять утра. В комнате было темно, но мерещились какие-то отблески, и явно пахло гарью. Пожар?! Он прислушался к неясным звукам, доносившимся с улицы, – вдруг резко прозвучала приближающаяся милицейская сирена и оборвалась. Он вскочил, быстро оделся и выбежал на улицу, сразу оказавшись в самой гуще событий: горел Асин дом. Две пожарные машины и одна милицейская с включенной мигалкой, небольшая кучка зевак, пожарные со шлангами, языки пламени, клубы дыма, мощные струи воды и пены – и упорно не прекращавшийся снегопад, который превращал все это трагическое действо в сказочную фантасмагорию. «Вот так бы снять!» – невольно подумал Алымов, тут же устыдился и пошел будить Асю. Дом сгорел

почти дотла. К восьми часам утра на пепелище уже никого не осталось. Алымов с Асей, совершенно обессиленные, молча стояли у калитки, глядя на дымящиеся руины. Потом Сергей взял Асю за руку, повел в ванную и стал умывать ее лицо в грязных разводах от слез и пепла. Сам он был не краше. Ася вдруг опомнилась и оттолкнула Алымова:

- Ты что? Мне не пять лет!

- Хорошо-хорошо. Я чайник поставлю.

В угрюмом молчании они напились кофе.

- Что я родителям скажу, просто не знаю! - вздохнула Ася, с тоской глядя в чашку.

- Дом-то хоть застрахован?

- По-моему, нет.

- Беда.

- И с чего это он вдруг загорелся?

- Ты там никакого огня не зажигала?

- Да нет. Я даже свет не успела включить. Ну ладно, спасибо тебе за все. Наверно, надо домой...

- Подожди, сейчас приятель приедет, я звонил ему. Подвезет.

Отпускать Асю одну не следовало, а ехать с ней на электричке Алымову категорически не хотелось - ему все казалось, что после мерзких журнальных статей каждый встречный смотрит на него с осуждением.

Савва прибыл через два часа и был потрясен картиной:

- Ничего себе! Алымов, да тебя просто никуда отпускать нельзя!

- Да я-то тут при чем?!

Из соседней комнаты вышла Ася – увидев Савву, она заплакала навзрыд и кинулась к нему на шею. Алымов изумился.

- Ася, так это ваш дом сгорел? Я сразу не понял. Господи, бедная! Ну, не плачь, не плачь, что ж теперь, – утешающе говорил Савва, обнимая Асю и глядя ее по спине.

- А вы разве знакомы? – растерянно спросил Сергей.

Ася перестала плакать, и они оба уставились на Алымова в крайнем недоумении, потом переглянулись.

- Что? Я не мог спросить?

- Ёж, с тобой все в порядке?

- Да-а, Алымов, совсем плохо дело. – Савва даже засмеялся. – Как же я могу Асю не знать? Ты ж сам нас когда-то знакомил, забыл? Да и тут мы соседи.

Сергей вдруг поморщился и схватился за голову:

- Господи, ну конечно! И правда – что это со мной такое?

Они добирались до Москвы целую вечность, то и дело застревая в пробках – снегопад! Ася сидела впереди рядом с Саввой, и Алымов всю дорогу слушал их разговор, почти в нем не участвуя. Хотя он уже все вспомнил, его не покидало странное ощущение полной нереальности происходящего. Вот – Ася, которую он не видел тринадцать лет, а вот – Савва, с которым видится практически каждый день. И Савва, как выясняется, прекрасно осведомлен об Асиной жизни и спрашивает ее о каком-то племяннике, про которого Алымов и знать не знает. Сергей смутно помнил, что у Аси есть сестра, появившаяся на свет, когда они уже перестали снимать дачу у Зацепиных. Нет, Савва-то каков! Ни разу не обмолвился, что встречается с Асей! Сколько лет у него этот дом, интересно?

Надо же, какое совпадение.

Алымов наткнулся в зеркале на чуть насмешливый взгляд Саввы и отвернулся. А когда они, завезя сначала Асю, подъезжали к центру, Сергей сказал равнодушным тоном, совершенно не обманувшим, однако, Савву:

- Черт, забыл ее телефон взять. У тебя ведь наверняка есть?

- Есть, как не быть. Пиши.

Алымов набил в мобильник циферки, помолчал и все-таки спросил:

- Почему ты мне ни разу не сказал про Асю?

- Да ты не спрашивал.

- Как я мог спрашивать, если я даже не знал, что у вас дома рядом?

- Ты это легко мог узнать. Даже не имея номера ее мобильного. Ладно, куда везти прикажешь? Домой или к Вере Павловне?

- Домой. Спасибо.

- Спа-асибо, смотри ты! А мы-то люди маленькие, к спасибам не приучены! Для нас такая честь – великих артистов возить. Завсегда обращайтесь!

- Ну ладно тебе, Савва. Я и так знаю, что свинья.

- До свиньи ты еще, положим, не дорос. Но поросеночек из тебя вполне ничего получился.

- Да уж.

- Ты уверен, что домой? А то хочешь – к нам поедем?

- Нет, домой. Надо же когда-то...

– Надо. Кстати, совсем забыл! Помнишь Синицкого? Такой... слегка засушенный с виду. «Иванова» у нас будет ставить, представляешь? Я как-то не ожидал от него.

– Помню, конечно! «Иванова»? Интересно, – задумчиво протянул Алымов.

Эта новость его вдруг взволновала.

Сергей долго собирался с духом, чтобы позвонить Асе, но так и не решился, а потом и вовсе отвлекся: начались репетиции новой пьесы, к тому же совершенно неожиданно посыпались предложения ролей в фильмах, и он после более чем годового простоя оказался вдруг страшно занят и вспоминал об Асе уже в глубокой ночи. И чем дольше он тянул, тем страшнее было звонить. Наконец Сергей не выдержал и, чувствуя себя последним идиотом, небрежно спросил у Саввы:

– Не знаешь, как дела у Аси?

– Ты что, так ей и не позвонил? Алымов, ты безнадежен.

– У меня не получается.

– Это как? Ты неправильно записал ее номер? Или разучился нажимать на кнопки?

– А ты не можешь просто ответить на мой вопрос?

– Не буду я тебе ничего рассказывать. Хочешь знать, как дела у Аси, – позвони ей.

Но через пару дней Ася вдруг объявилась сама. Увидев во время антракта в мобильнике ее пропущенный вызов, Алымов страшно взволновался и тут же перезвонил. Голос у нее был какой-то странный.

– Ася? Ты что – плачешь? Что случилось?

- Очень надо поговорить. Можно нам встретиться? Сегодня?

- Давай. - Он слегка растерялся. - А что такое?

- Это не телефонный разговор. Ты занят?

- У меня спектакль. Сможешь приехать в театр часам к десяти? Или лучше завтра? Черт, у меня завтра... Но я найду время.

Договорились все-таки на сегодня. В десять Алымов подошел на служебный вход, выглянул, не обнаружил никакой Аси и разозлился. Ася же в это время сидела на скамейке у центрального входа и всхлипывала. Сидела она давно, замерзла и промокла - весь вечер моросило. «И зачем я притащилась? - уныло думала она. - Все равно ничего у нас не выйдет». Тут ей позвонил Алымов.

- Ася, ты где? - Голос звучал раздраженно.

- В скверике.

- Я же сказал подойти к служебному входу.

- Ёж, там такая толпа...

- Вот и иди туда. Прямо к двери подойди. Тетка тебя заберет.

- Какая тетка?

- Рыжая! Давай, быстро.

Ася встала и поплелась к служебному входу, протиснулась мимо топчущихся там девиц - дверь резко распахнулась, и появившаяся на пороге дама, действительно ярко-рыжая, повелительно мотнула головой:

- Ася? Заходи!

Ася еле поспевала за ней, а «тетка» на высоченных шпильках бодро бежала по коридорам и лестницам. Наконец, она открыла дверь в гримерку, и Алымов поднялся им навстречу:

- Ma tante! Спасибо, дорогая! Что бы я без тебя делал!

При ярком свете Ася разглядела, что рыжей даме уже, пожалуй, все шестьдесят, но выглядела она великолепно: стильная стрижка, макияж, легкое кокетство...

- Получай свою Асю. Сережик, ты бы оделся, а то мигом остынешь! Ну ладно, пока-пока! А вы, девушка, не задерживайте его надолго. Мальчик устал.

«Мальчик» только покачал головой и снова плюхнулся на стул. Из него словно вынули батарейку: только что сиял улыбкой и целовал «тетке» руку, а стоило ей скрыться за дверью, как сразу стало заметно, насколько он утомлен. Ася покосилась на Алымова, одетого в одни джинсы, и опустила голову:

- Ты бы на самом деле оделся...

- А что? Я тебя смущаю?

Ася почувствовала, что Сергей ее разглядывает, и еще сильнее покраснела.

- Все, оделся. - Алымов натянул футболку. - Ну, что случилось? Только не реви.

- Я не буду, не буду!

- На-ка вот, съешь.

Он сунул ей шоколадную конфету, слегка помятую и подтаявшую. Ася послушно съела, хотя в горле у нее совсем пересохло.

- Воды дать?

Ася отпила воды из пластиковой бутылки, вздохнула и, глядя в пол, сказала:

- Меня следователь вызывал. Там труп обнаружили, на пожаре.

- Труп?

- Ну да.

- А когда?

- Да сразу и нашли.

- Нет, когда он тебе это сказал?

- Три недели назад.

- И почему ты мне сразу не позвонила?

- Я не думала, что ты... Что тебе это надо.

- Понятно. И что следователь?

- Он спрашивал, не знаю ли я, кто это может быть. А потом... Потом он мне браслет показал. Серебряный. Дурацкий такой, с драконом. Ну, в общем, это Эдика браслет. Моего мужа. Я ему на тридцатилетие подарила. Сам выбрал. Конечно, таких браслетов полно, но там дата его рождения выгравирована.

- Так это Эдик?

Ася подняла голову и взглянула на Алымова несчастными глазами:

- Ёж, я не знаю! Его опознать невозможно. Я боюсь, что на самом деле все еще хуже.

- Погибнуть на пожаре - что ж может быть хуже?

- Убить.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

- Черт знает что, - сказал Сергей задумчиво. - А почему ты думаешь, что это не Эдик?

- Сама не знаю. По-моему, они тоже так считают. Но если Эдик - как он в доме оказался? Он же уехал!

- Вполне мог потом вернуться. Знаешь, я сейчас только вспомнил - там же свет был. Мне не спалось, я на крыльцо вышел и видел. Сначала в одной комнате, потом в другой.

- Они меня расспрашивали про Эдика. Где он, что он. И я, как дура, все вывалила. Теперь просто не знаю, что и делать.

- А что - все?

Ася горько вздохнула:

- Ёж, я тебе не стала тогда рассказывать. Это такой кошмар! Он игроком оказался, представляешь? А в последнее время ему вообще крышу снесло. Признался, что кучу денег кому-то должен. Мы с ним ужасно поссорились в тот день. Эдик просто в истерике бился: меня убьют, если деньги не отдам!

- Ничего себе...

- А ты не помнишь его? Эдика?

- Откуда я могу его помнить?

- Он же сосед наш по даче. Мой папа с его отцом работал на заводе. Потом нам квартиры дали в Москве, в одном доме. Они свою дачу продали. А я с Эдиком вместе училась. Помнишь, мальчишка такой - все вязался к нам? Ты его побил однажды.

- Я побил?!

- Ну, не побил, конечно. Леща дал.

- Противный такой, все дразнился, да?

- Ну да. Это он.

- И ты за него замуж вышла? Получше не могла найти?

- Он за мной с седьмого класса бегал. - Ася исподлобья мрачно взглянула на Алымова и опять отвернулась. - И вот я думаю: зачем он вообще на дачу поехал?

- За тобой вдогонку - разве нет?

- Я тебя умоляю! У него в голове одни деньги были, этот долг проклятый! Мы жили как кошка с собакой. Давно надо было уйти, дуре. Нет, он не за мной поехал. Он удивился, когда меня там увидел - не ожидал. Думал, я к маме подамся. У него и ключей от дома никогда не было. Что ему там понадобилось?

- Интересно.

- И еще - коробочка!

- Какая коробочка?

- А вот. - Ася порылась в сумке и показала Сергею маленькую жестяную коробочку в полиэтиленовом пакетике. - Коробочка из-под чая. Старинная. Она у нас на даче всегда была, в буфете. Пуговицы всякие в ней лежали, монетки, значки...

Алымов взял пакетик с коробочкой, задумчиво осмотрел:

- Слушай, а я ее помню. Точно, мелочь всякая хранилась.

- Я ее в мусорке нашла. Вернулась, смотрю - дома полный бардак, стала убираться. Поняла, что Эдик часть своих вещей забрал и еще сумку дорожную. А потом случайно в мусорном ведре коробочку нашла. И пуговицы - высыпались,

видно, когда выбрасывал.

Ася достала второй пакетик, Алымов посмотрел: разномастные пуговицы, несколько значков и монеток.

- Значит, он действительно был в доме. И коробочку эту зачем-то взял.

- Ася, а ты не помнишь – может, в ней что-то ценное лежало?

- Вряд ли. Но монеток больше было, это точно. И потом, если что и было, он-то откуда узнал? Эдик на дачу всего пару раз и приезжал.

- Ты следователю рассказала?

- Я думаю: надо или нет?

- Мне кажется, надо.

- Знаешь, эта история с браслетом – как раз в его духе. Он мог подбросить к трупу – пусть, дескать, решат, что это он там погиб. А сам в бега. Но убить... Нет, не могу поверить, что он на это способен. И вообще, кто такой этот человек в доме? А вдруг они решат, что Эдик убил? А я его подставляю?

- Да-а... Знаешь что? Я, пожалуй, попробую с Кириллом Поляковым поговорить. Он консультантом был у нас в детективном сериале. Мы с ним вроде как подружились.

- Ой, поговори, ладно? Вот спасибо. А то у меня голова кругом. И вообще, все наперекосяк! Дача сгорела, муж пропал, развестись не могу, жить негде...

- Почему негде?

- Да он квартиру продал! Не сам, его брат. Представляешь, три года прожили, я уверена была, что Эдика квартира, оказалось – брата! Позвонил мне: где, говорит, Эдик? А я понятия не имею! В общем, деньги понадобились и продал. Я, правда, подозреваю, что Эдик в курсе. Ему ж долг выплачивать, вот и деньги.

- Сколько ж он должен-то?

- Не знаю. Чуть не миллион, похоже. Я просто не представляю, куда мне деваться! Когда окончательно решила развестись, думала: на даче буду жить. Далеко до работы, конечно. А теперь и дачи нет.

- А у родителей?

- Ёж, у нас трехкомнатная, но маленькая, а одна комната вообще проходная. Родители, сестра с мужем и ребенком. Им самим места нет. Да и с родителями я в плохих отношениях. Они считают, я виновата, что дача сгорела.

- Да ты-то при чем?

- Это ты им скажи. Квартиру снимать я не потяну, да и комнату с трудом. Надо деньги на стройку откладывать. Страховки на дачу не было. В общем, жизнь дала трещину.

- А сейчас-то ты где?

- Я до последнего там жила, у Эдика. Вот сегодня окончательно съехала. Пока придется у родителей, наверное. Начну искать комнату подешевле. Представляю, что это будет. Ну вот. Ёж, я так тебе благодарна! А то и поговорить не с кем.

Алымов тяжело вздохнул, поднялся, заправил майку в джинсы, натянул джемпер, надел носки и кроссовки. Ася зачарованно наблюдала за его действиями, потом опомнилась:

- Ой, ты прости, что много времени отняла. Ты устал... Я не подумала. Прости.

- Ну ладно, пошли, - сказал Алымов. - Действительно, поздно уже.

Толпа перед служебным входом рассосалась, и они беспрепятственно добрались до машины.

- Садись.

- Ёж, да я так доеду, на метро.

- Садись и не разговаривай. Я не собираюсь везти тебя... куда?

- В Медведково, - пискнула Ася.

- В Медведково! Еще не хватало!

- Но метро же в двух шагах!

- Мы поедem ко мне.

- К тебе? Зачем?

- Ты будешь жить у меня.

- Как... у тебя?..

- А что, есть другие варианты? Насколько я понял, нет. Ася, ты же помнишь нашу квартиру - там полк солдат разместить можно.

- Это неудобно.

- Мне - удобно. Ты же хотела снимать комнату? Можешь считать, что снимаешь. Я предлагаю из чисто эгоистических соображений. Кормить меня будешь. Ты умеешь готовить?

- Умею.

- Ну так что?

- Если ты думаешь, что я за этим к тебе приехала... Я совсем не хотела ничего такого. И говорить не хотела, оно само как-то... выскочило. Я не напрашиваюсь!

Алымов покосился на Асю – та сидела, мрачно насупившись: вот-вот заплачет. Он съехал на обочину и остановился.

– Ася, посмотри на меня. – Она упрямо отвернулась к окну, тогда Сергей взял ее за подбородок и повернул: – Послушай, что я скажу. Я совершенно один, понимаешь? Мне домой вообще идти не хочется. Я первое время после... после похорон... даже жил у тетки. Ты не помнишь ее, кстати? Это Вера Павловна. Асенька, я тебя очень прошу! Прояви милосердие.

Ася шмыгнула носом и вытерла слезы. Алымов улыбнулся и подал ей бумажные платочки:

– Плакса-вакса-гуталин, на носу горячий блин. Эх ты, Малявка...

– Не называй меня Малявкой.

– Ну что, поехали?

– Не знаю... Я же буду мешать, наверное.

– Чему?

– Твоей личной жизни. – Она отчаянно покраснела.

– Нет у меня никакой личной жизни. И не предвидится в обозримом будущем. Ну что? Попробуем?

– Ладно.

– Вот и замечательно. Только надо где-то еды купить, а то у меня шаром покати.

Алымов вдруг развеселился. Все это время он с трудом сдерживал раздражение. Ася опоздала, а он страшно не любил, когда опаздывали и что-нибудь путали – совершенно забыл, что Малявка как раз этим и отличалась всю жизнь. Пока Ася рассказывала, он сердился, что вынужден слушать про совершенно не нужного ему Эдика, с которым не пойми что происходит: не то он убил, не то его убили! Нет, труп – это, конечно, серьезное дело, кто ж спорит. Но Алымов никак не мог

проникнуться трагичностью произошедшего: ему казалось, что все непременно разъяснится самым тривиальным образом. Он не любил детективы, хотя постоянно в них снимался.

Гораздо интереснее было разглядывать Асю, выискивая в ней черты прежней Малявки: складненькая... стройные ножки обтянуты узкими джинсами... весьма соблазнительная грудь... розовые щеки, блестящие серые глаза... светлые волосы собраны в забавный хвостик. А в детстве мама почему-то делала ей целых три хвостика: один наверху и два по бокам. Господи, и какая из нее учительница? Может, с малышкой и справляется – Алымов помнил, что она преподает в начальных классах. Ася волновалась и даже, как показалось Сергею, робела, постоянно шмыгая носом, пока он не подал ей бумажные салфетки – тогда она с чрезвычайно виноватым видом высморкалась. Она сутулилась и поджимала ноги, которые, вероятно, промочила, и чем дальше, тем больше Алымову хотелось просто посадить ее на колени и утешить.

Ася тоже исподтишка рассматривала Сережу и поражалась: «Надо же, каким мощным он стал!» Тринадцать лет назад это был тонкий и хрупкий юноша, с удивительной, почти кошачьей пластикой и солнечной улыбкой. С годами он сильно раздался в плечах и вообще заматерел, все больше напоминая уже не отца, а деда. Черты лица стали мужественнее и резче, волосы потемнели. Совсем не котенок, а скорее леопард или тигр. Только глаза остались прежними: зелеными, чуть раскосыми, с длинными ресницами, которым Ася всегда завидовала. Иногда в Алымове на мгновение проглядывал прежний мальчик – в неожиданной улыбке, в небрежном жесте, в наклоне головы. Это было забавно – так умиляет огромный тигр, играющий с бумажным бантиком на веревочке.

Алымов внимательно смотрел на Асю своими невозможными глазами, и у нее мурашки бежали по коже. Опуская голову, она тут же натыкалась взглядом на его босые ноги и вздыхала про себя: создала же природа такое совершенство! Она сама вечно натирала то пятки, то фаланги пальцев, и косточка какая-то уже торчала не там, где надо – его же крупные, но изящные ступни с необыкновенно длинными пальцами были идеальной формы, как будто высеченными из мрамора. Словно ощутив ее взгляд, Сергей неожиданно потерял одну ногу о другую и пошевелил пальцами.

Ася испытала невероятное облегчение, когда он наконец полностью оделся и обулся. И сейчас, сидя в машине рядом с Алымовым, она посматривала на его сосредоточенный профиль, на руки, лежащие на руле, и ее попеременно

одолевали то восторг, то ужас – что же будет с ними дальше?! Но ничего особенного в этот вечер с ними не произошло: они как-то невразумительно поужинали, Алымов долго извинялся, что Асе придется жить в комнате Иларии Львовны, пока она не сказала, что считает это честью. Тогда он немного успокоился:

– Понимаешь, я не могу там находиться. Пока не могу.

– Ёж, я все понимаю.

– Если хочешь, я перееду в тренажерную, а ты – ко мне. Но только завтра, ладно?

– Уймись. Все хорошо, я спокойно поживу в той комнате. А если ты и дальше будешь нудить, я вообще уйду.

– Да куда ты пойдешь? Ты же бомжик.

– А пойду я спать, прямо сейчас. А то мне вставать рано.

– Рано – это во сколько? – с опаской спросил Алымов.

– Надо подумать. Мне к девяти на работу. Часов в семь, наверное. У тебя есть интернет? Я бы время рассчитала, а то что-то не соображу, где пересадку делать...

Разойдясь по разным комнатам, оба довольно долго не могли заснуть и думали об одном и том же: прошедшие тринадцать лет изменили обоих и все придется начинать сначала. Алымов даже снова достал альбомы, которые принес из маминной комнаты вместе с томиком Чехова, и, вздохнув, нацепил очки, к которым все еще никак не мог привыкнуть. Илария Львовна одно время увлекалась фотографией, так что детских изображений Сережи было великое множество – и одного, и вместе с Асей. Все это время он нет-нет да и пересматривал семейную хронику. Вот и сейчас он усмехнулся, глядя на Малявку с тремя забавно торчащими хвостиками. А вот она почти взрослая... Сергей подумал, что Ася совсем не изменилась, только вместо девичьей хрупкости появилась мягкая женственность – и тут же некстати вспомнил Эдика, что б он провалился.

Тут ему в руки вывалилась собственная фотография, снятая примерно тогда же: юный Сережа Алымов сидит на перилах крыльца и улыбается в объектив. Это снимала уже Ася. Сергей вдруг увидел себя как чужого, совершенно незнакомого человека, и у него защемило сердце: почему-то стало жалко этого солнечного мальчика, улыбающегося всему миру, полного надежд и честолюбивых планов. Он взглянул в зеркало: усталое лицо почти сорокалетнего мужчины – тени под глазами, горькая складка у рта, морщинки у век и на лбу. Вон и очки уже пришлось заказать! «Разве мама любила такого? Желто-серого, полуседого и всезнающего, как змея», – вспомнил он Ходасевича и тяжело вздохнул: мама...

Глава 3

За кулисами

Алымов не очень любил чеховские пьесы, хотя играл как-то Тrepлева – не слишком удачно. Но слова Саввы о предполагаемой постановке «Иванова» вдруг произвели в нем странную, почти химическую реакцию, и, придя домой, он первым делом пошел искать пьесу – у них было полное собрание сочинений Антона Павловича. Нашел, тут же прочел и задумался. Несмотря на почти бессонную предыдущую ночь, он до утра перечитывал пьесу, думал и даже пробовал проигрывать какие-то сцены.

Через пару дней он отправился к деду. Художественный руководитель театра, актер, режиссер, лауреат всевозможных премий, председатель всяческих президиумов и комитетов, мудрый, циничный и хитрый, прошедший огонь, воду и медные трубы, он держался на своем посту уже третий десяток лет и руководил театром железной рукой в бархатной перчатке. Хотя все за глаза именовали худрука Дедом, один Алымов имел на это законное право, ибо Валентин Георгиевич Горячев на самом деле приходился ему дедушкой. Из всех женщин своего непутевого сына он признавал только Иларию и всегда обращался с ней с трепетной нежностью, а Сережу обожал, старательно скрывая это ото всех – и от себя самого в первую очередь. Он категорически не хотел, чтобы Сергей стал актером, и тот поступал в театральное втайне от деда, который как раз слег в больничку с приступом холецистита. Валентин Георгиевич далеко не сразу оценил талант внука и никогда не делал ему

поблажек: на публике они держались официально, и далеко не все знали, кем они друг другу приходятся.

При последней встрече дед с внуком поссорились, и Сергей мучился, зная, как тяжело переживает это Валентин Георгиевич. Они случайно столкнулись, и Сергей хотел было прошмыгнуть мимо, но старик остановил его, положив руку на плечо, и близоруко взгляделся в сумрачное лицо внука – сначала без очков, потом сквозь очки:

– Как ты?

– Нормально.

Дед взгляделся еще:

– А ну-ка дыхни.

И Сергей взвился. Теперь он не мог без стыда вспоминать свои истеричные вопли, которые к тому же слышала пробежавшая мимо молоденькая актриса. Он сидел в приемной Деда и вздыхал под понимающим взглядом секретарши, которая работала в театре сорок лет и все про всех знала. Наконец появился Дед – высокий, вальяжный, седой, он медленно прошествовал в кабинет, на ходу кивнув Сергею – заходи. Тот зашел.

– Дед, прости меня. Я нахамил тебе тогда...

– Да уж. Опозорил старика.

– Ну, прости, пожалуйста, прости. Я больше не буду.

Дед невольно рассмеялся, глядя на притворно-умильное выражение лица внука.

– Ладно, с кем не бывает. Ты тоже прости.

– Дед, я тебе сто миллионов раз говорил – не пью я. Физически не могу. Может, и хотел бы выпить, но...

- Я переживаю, ты ж понимаешь. Один ты у меня остался.

- Ты у меня - тоже. - У Сергея вдруг так перехватило горло, что он скривился.

Дед обнял его за плечи:

- Ничего, мальчик, ничего. Тяжело, я понимаю. Эх, горе...

Алымов справился и отошел к окну.

- Дед, я чего пришел-то. Правда, что «Иванова» будем ставить?

- Да, Синицкий поставит. Он, конечно, своеобразный парень, но талантливый. Ты знаком с ним?

- Знаком. Мы учились вместе. А роли уже распределяли? Кого он метит на Иванова, не знаешь?

- Насколько я знаю, он хотел со стороны брать. Подожди, ты что? Неужто ты хочешь сыграть Иванова?

- Да.

- Сережа, тебе не кажется, что это не совсем твое амплуа? Да и молод ты еще для этой роли.

- Дед, мне уже четвертый десяток.

- Да откуда четвертый десяток? Не выдумывай.

- Тридцать шесть скоро стукнет!

- Тридцать шесть! - Старик вздохнул и покачал головой. Как быстро пролетело время: казалось, только вчера он держал на коленях худенького мальчика, живого и подвижного, как кузнечик. И каков вымахал, верзила!

– А Иванову тридцать пять! – горячился между тем внук. – Ампула! Тебе не кажется, что мне пора уже выходить за рамки вечного Дориана Грея.

– Тридцать пять Иванову? Надо же, мне казалось – больше.

– Ну да, всегда его чуть ли не старики играют. Самому Чехову двадцать семь было, когда написал.

– Да что ты? Вот не знал! А может, забыл...

Сергей усмехнулся – это было любимое присловье Деда: «Я больше забыл, чем вы знаете».

– Дед, я могу сыграть. Именно сейчас, именно я! Еще год назад – не смог бы, а сейчас... Я же тебя никогда в жизни ни о чем не просил, правда?

– Да, верно. Так чего же ты хочешь? Чтобы я надавил на Синицкого?

– Ни в коем случае! Просто... поддержи меня.

– Ты можешь что-нибудь показать из роли?

– Да, я готов.

– Ну ладно, поболтайся пока в театре. Как только Синицкий появится, я тебя вызову.

Увидев Алымова, Синицкий на секунду нахмурился, быстро взглянул на Деда и понимающе усмехнулся – ни Дед, ни Сергей не показали виду, что прочли его мысли: родственничка продвигаем, так-так... Алымов мило улыбнулся режиссеру, а Дед хмыкнул про себя: с первой секунды своего появления Сергей играл. Это называлось: «Сергей Алымов – журнальный вариант» – эдакий звездный мальчик, герой-любовник, блестящий и обаятельный.

Они с Синицким до смешного походили друг на друга: почти ровесники, выученики одной школы, оба высокие, длинноногие и элегантные. Правда, элегантность режиссера была тщательно продумана, если не сказать –

вымучена, а Алымов уродился таким и носил любые отрепья с изяществом аристократа. Для этого визита он приоделся, заменив привычные джинсы и джемпер на костюм с жилеткой и галстуком – почти в таком же был и режиссер. «Надо же, они как псы одной породы... Но морды разные!» – веселясь про себя, думал Дед, глядя, как вытянулась физиономия у Синицкого. На редкость некрасивая физиономия. Синицкий некоторое время с отвращением рассматривал актера, потом сказал:

– Валентин Георгиевич сообщил мне о вашем намерении сыграть Иванова. Боюсь, это невозможно. Я не вижу вас в этой роли.

– А кого же вы, любезный Александр Владимирович, видите в роли Иванова? – сладким голосом спросил Валентин Георгиевич. Он сидел, сложив руки на животе, и развлекался вовсю. – Меня чрезвычайно интересует ваша концепция.

– Ну... Видите ли... В первую очередь мне хотелось бы для этой роли кого-то не столь... эээ... декоративного.

Алымов не дрогнул и продолжал смотреть на Синицкого со светской улыбкой.

– Мне хотелось бы построить эту роль на преодолении физических данных актера. Чтобы зритель сначала недоумевал, почему в него влюблены такие прекрасные женщины, как Сарра и Саша, и лишь постепенно... Ведь Иванов – самый обыкновенный человек, совсем не герой.

– Понимаю, понимаю, – протянул Дед. – Вы предполагаете кого-то вроде Давыдова?

– Давыдова?

– Если вы помните, Чехов сначала хотел видеть в этой роли Владимира Николаевича Давыдова. Но это был первый вариант пьесы, комический. – Дед поднял палец, акцентируя свою мысль. – И Давыдов вполне соответствовал замыслу: толстый, лысый. Но впоследствии Антон Павлович пьесу переработал, так что Иванов хотя и не герой, но все же персонаж вполне трагический. Я бы даже сказал, что это эдакий своеобразный Гамлет, который склоняется под ударами судьбы и выбирает небытие, сон смертный... м-да-а... бежит от жизни.

– Ну да, конечно. Я не собирался зайти так далеко, чтобы пригласить комического актера, но...

– А впрочем, все новое, как вам наверняка известно, Александр Владимирович, есть хорошо забытое старое. Вы, естественно, в силу вашего юного возраста не могли видеть спектакль, но наверняка слышали, что году эдак в тысяча девятьсот семьдесят четвертом или в семьдесят пятом Марк Анатольевич Захаров поставил у себя в Ленкоме «Иванова», а заглавную роль сыграл Евгений Павлович Леонов, актер прекрасный, великолепный, но известный широкой публике прежде всего своими комическими персонажами в кино. Вот это было действительно преодоление физической природы актера. Народ ломился. Как это: «Винни Пух» – играет Иванова? Блистательно сыграл, надо сказать, просто блистательно!

– Да, я слышал об этом спектакле, – довольно уныло произнес режиссер. Сережа даже пожалел его: противиться невероятной дедовой харизме было очень трудно, он знал по себе.

– Александр Владимирович, дорогой мой! Я вполне разделяю ваши сомнения по поводу господина Алымова, и как раз перед нашей с вами встречей высказал эти сомнения Сергею Олеговичу, но, может быть, мы дадим молодому человеку возможность показать нам его видение роли?

– Ну, хорошо. – Синицкий сдался. – Давайте. Что вы подготовили?

– На ваш выбор. Любой эпизод любого действия. – Алымов встал.

Синицкий вытаращил на него глаза:

– Вы что, знаете всю пьесу?.

– Да.

– Ладно, решайте сами.

– Тогда из последнего действия? Разговор с Сашей?

– Давайте из последнего.

Алымов на пару секунд отошел к окну, потом повернулся к своим двум зрителям. Он как-то ссутулился и потерял весь свой блеск. Рассеянно снял неведомо как оказавшееся у него на носу пенсне, потер переносицу и посмотрел сначала на Деда, а потом на Синицкого беспомощным взглядом близорукого человека. Дед одобрительно кивнул.

– «Нет, уж я не ною! Издевательство? Да, я издеваюсь. И если бы можно было издеваться над самим собою в тысячу раз сильнее и заставить хохотать весь свет, то я бы это сделал! Взглянул я на себя в зеркало – и в моей совести точно ядро лопнуло! Я надсмехался над собою и от стыда едва не сошел с ума. Меланхолия! Благородная тоска! Безотчетная скорбь! Недостает еще, чтобы я стихи писал...»

Произнося текст, Алымов рассеянно вертел в руках пенсне: размахивал им, убирал в карман пиджака, доставал снова, надевал, потом снимал, машинально протирая стекла. Он дочитал до конца и на словах: «Ослабел я. Где Матвей? Пусть он свезет меня домой» сел на стул, опустив голову. Пенсне упало на пол.

Некоторое время все молчали. Потом Синицкий сказал чрезвычайно скучным тоном:

– Ну что ж, это интересно. Я подумаю и дам вам знать. – Он поднялся и вышел из кабинета, а Горячев состроил ему вслед красноречивую гримасу.

– Дед, ну как тебе?

– Молодец. Роль твоя.

– Ты думаешь?

– Да куда он денется! Нет, ты и правда – молодец. Я даже не ожидал. С пенсне неплохо придумал.

– А ты считал, я только Дориана Грея могу играть, да?!

- Дался тебе этот Дориан! Послушай, а почему он тебя так ненавидит?

Алымов поморщился:

- Это у него я тогда Дару увел.

- Вон оно что. Надо же. Смотри-ка, какая, однако, загогулина: если бы Дара вас обоих не бросила, он, может быть, и не замахнулся бы на «Иванова», а ты не созрел бы для этой роли. А?

- Дед, ну что ты говоришь! Ты же знаешь, как дорого мне это обошлось.

- Да, постаралась твоя дамочка на славу. Не переживай, мальчик, - перемелется, мука будет.

- Ну да, мука. Если бы я тебя тогда послушал. И мама была бы жива... А теперь... вот...

Алымов закрыл лицо руками. Дед встал, подошел и обнял внука:

- Так вот почему ты... Сережа, ты не виноват. Ни в чем не виноват. Это просто аневризма, понимаешь? Она могла в любой момент сработать, в любой. Просто так совпало, к несчастью, с этой гнусной травлей. Ну, перестань.

- Все нормально, я справлюсь. Теперь справлюсь. Спасибо тебе.

- Я слышал, ты у Веры живешь? А почему ко мне не пришел?

- Да ничего, Дед, не волнуйся. Я уже дома. Все хорошо, правда.

Ничего особенно хорошего пока не было - Сергей маялся дома, изнуряя себя на тренажерах, и отворачивался, проходя мимо комнаты мамы, куда зашел после похорон только один раз, за Чеховым. На Иванова его все-таки утвердили, начались репетиции, на которых не все получалось, и Сергей пытался понять, как наладить отношения с режиссером. Он все время чувствовал обоюдное

напряжение, возникающее между ними при любом общении. В институте Сергей мало знал Сеницкого – у них были разные факультеты и компании. Сейчас же, наблюдая его каждый день, Сергей чувствовал, что Сеницкий проникается к нему уважением.

Сеницкого в театре прозвали Замороженным Умником. У него было некрасивое, но мужественное лицо, длинный нос, тонкие губы и высокие залысины. Он строго держал дистанцию, обращаясь ко всем исключительно по имени-отчеству. Когда что-то нравилось, мрачно говорил: «Годится», когда не ладилось – «Так не пойдет». Сеницкий избегал показов, хотя делал это прекрасно – старался разъяснить словами, чего добивается от актера. Хуже всего обстояло дело с доктором Львовым, которого играл Леша Скворцов – удивительно добрый и беззлобный молодой человек. Именно поэтому ему никак не давалась та яростная ненависть, которой добивался режиссер: в свои двадцать шесть лет Леша не обзавелся ни одним врагом, всех любил и искренне не понимал, как это – ненавидеть кого-то до скрежета зубного? Он старался, но получалось плохо.

– Готовый князь Мышкин, ты подумай! – в перерыве сказал Алымову Савва, игравший Боркина. – Такой же юродивый.

– И не говори. Надо Деду намекнуть – пусть «Идиота» поставят.

– Да нет, не вытянет. Молод еще. Это он по жизни идиот, а так... «Так не пойдет», – скопировал Савва интонацию Сеницкого.

После перерыва Сеницкий вышел на сцену, походил там, потирая лоб, потом обратился к Леше:

– Что же нам с вами делать, Алексей Анатольевич? Так не годится. У вас получается какое-то жалкое существо. А он вовсе не жалок, нет! Это сильная личность. Не зря же он именно Львов. Да, сильная. Хотя и ограниченная. Но! Львов болен Ивановым. Очарован им. Да-да, именно так! И поэтому ненавидит. Не может освободиться. Понимаете? А Иванову до него и дела нет. Он помнит о существовании Львова только потому, что тот лечит его жену. И все.

– Ну да, – неуверенно ответил окончательно запутавшийся Леша.

– Давайте мы сделаем вот что: Сергей Олегович, вы можете сыграть за Скворцова?

– Да, пожалуйста. – Алымов удивился, но не подал виду.

– После реплики: «Вы, доктор, не любите меня и не скрываете этого. Это делает честь вашему сердцу». Начинайте.

Алымов встал на место Леши:

– Проклятый характер... Сейчас... «Проклятый характер! Опять упустил случай и не поговорил с ним как следует... Не могу говорить с ним хладнокровно! Едва раскрою рот и скажу одно слово, как у меня вот тут начинает душить, переворачиваться, и язык прилипает к горлу. Ненавижу этого Тартюфа, возвышенного мошенника, всю душу... Вот уезжает... У несчастной жены все счастье в том, чтобы он был возле нее, она дышит им, умоляет его провести с нею хоть один вечер, а он... он не может... Ему, видите ли, дома душно и тесно. Если он хоть один вечер проведет дома, то с тоски пулю себе пустит в лоб. Бедный... ему нужен простор, чтобы затеять какую-нибудь новую подлость... О, я знаю, зачем ты каждый вечер едешь к этим Лебедевым! Знаю!»

– Вот видите? Он ревнует Иванова и к Сарре, и к Саше, он страдает от того, что Иванов не так хорош, как мог быть. Я понимаю, вам этого не сыграть так, как Сергею Олеговичу, поэтому просто копируйте его. Решим это технически. Львов все время следит за Ивановым. Следит за ним и подражает – неосознанно! Не может не следить, не может не думать о нем. Зациклен, понимаете?

– Вы так это видите? Именно такой подтекст? – осторожно спросил Алымов.

– Да! Я не имею в виду никаких нетрадиционных отношений, избави боже! Но разве никто из нас не переживал хоть однажды в жизни подобной очарованности человеком – неважно какого пола? Не сотворял себе кумира? И не мучился потом, когда оказывалось, что кумир – дешевка? И чем больше мы осознаём, что сами выдумали этого кумира, тем больше его ненавидим. Вот это и происходит со Львовым.

Синицкий нервно оглядел изумленных актеров – на щеках у него горели пятна от волнения. Впервые он позволил себе такое эмоциональное выступление. Он

ни разу не взглянул на Алымова, но у Сергея было четкое ощущение, что все говорится лично для него. Так вот оно что, подумал он. Значит, не в одной Даре дело.

Синицкий вернулся в зал и махнул рукой:

– Продолжаем! Шабельский, Иванов, Львов. Всю сцену сначала, с реплики: «Вы, милый друг, кончили курс только в прошлом году, еще молоды и бодры, а мне тридцать пять». Давайте.

Он не сделал ни одного замечания и закончил репетицию раньше времени. Алымов спустился в зал к Синицкому:

– Александр Владимирович, я хотел спросить, довольны ли вы моей игрой? Вы ничего не говорите, и я не уверен...

– Меня все устраивает. Вы справляетесь. В результате, правда, получается не совсем то, что я изначально замыслил, но... Может, это и к лучшему.

Они постояли некоторое время, глядя друг на друга, но когда Сергей повернулся, чтобы отойти, Синицкий сказал:

– Сергей... Олегович! Я хотел...

– Да?

– Я хотел сказать, что... Вы оказались совсем не тем человеком, какой мне представлялся, – видно было, что слова даются Синицкому с трудом. – Я отнесся к вам предвзято. И сейчас я рад, что мы работаем вместе.

– Спасибо. Я тоже рад.

На лице Синицкого появилось что-то вроде улыбки, улыбнулся и Алымов. Оба почувствовали, что напряжение между ними тает.

– Александр Владимирович, вам не кажется, что нам нужно поговорить?

У Синицкого на щеках опять вспыхнули багровые пятна.

- Пожалуй, вы правы, - ответил он, не глядя на Алымова. - Может, перекусим где-нибудь?

- Я не против, но... Не хотелось бы в ресторан. Я избегаю появляться на публике.

- Что, достают?

- Да. После... после развода меня узнают даже те, кто никогда не слышал о моем существовании.

- Да уж, Дара постаралась облить вас грязью. Похоже, я легко отделался. Скажите, а как вам удалось с этим справиться?

- Не уверен, что справился. Это было... больно. Так что про ненависть я очень хорошо понимаю.

- Верно, самое трудное - перестать ненавидеть. Кто это из литературных героев молился: «Господи, сделай так, чтобы я стал равнодушен к Теодоре»?

- Кажется, кто-то у Стендаля? А, нет, Бальзак - «Шагреновая кожа»! Не разлюбил, не возненавидел, а стал равнодушен.

Пару секунд они смотрели друг другу в глаза, потом Синицкий отвел взгляд и сказал:

- Знаете что - поедem ко мне. Я тут недалеко, на Солянке. Только позвоню жене, предупреджу.

Беременная жена Синицкого, невысокая симпатичная брюнетка, радостно вспыхнула при виде Алымова - Синицкий только усмехнулся:

- Танечка большая ваша поклонница. Раз двадцать смотрела «Капитанскую дочку».

Таня покраснела еще больше:

- Саша, ну зачем ты?.. Проходите, пожалуйста.

Алымов галантно поцеловал ей ручку и прошел на кухню вслед за Синицким.

- Ничего, что мы здесь?

- Нормально. У вас прелестная жена.

- Да. Наконец повезло. Это четвертый мой брак.

- Может, перейдем на «ты»? – осторожно сказал Алымов, глядя в напряженную спину Синицкого, который доставал что-то из холодильника: что ж за человек такой? Он никогда не расслабляется?

- Хорошо, – согласился Синицкий. – Что будем пить?

- Я – минеральную воду или сок, если есть.

- Вы... Ты не пьешь?

- Вообще. У меня аллергия на алкоголь. Мой отец все выпил за меня.

- А мне говорили... Неважно. И тут вранье. А я, пожалуй, выпью водки.

Синицкий одним махом опрокинул стопку и подцепил на вилку ломтик ветчины.

- Никогда не думал, что мы будем вот так сидеть.

- Саша... Можно, раз мы на «ты»?

- Да, конечно.

- Может, поговорим о том, что было сегодня? Мне почему-то показалось, что твоя речь о докторе Львове была обращена ко мне. Я не прав?

- Ты понял!

- Да, понял. Знаешь, я хочу, чтобы ты сделал этот спектакль. И мне совсем не нужно, чтобы тебя отвлекали какие-нибудь... не знаю... душевные терзания. Потому что это лучшая моя роль. Пока. Дальше будет видно.

- От скромности ты точно не умрешь. - Синицкий махнул еще одну стопку и поморщился.

- Ну, в гробу я буду лежать уж такой скромный, что дальше некуда. Саш, что такое между нами? Я сначала думал, все дело в Даре, но, похоже, есть что-то еще? Ты мне симпатичен, я уважаю тебя, как режиссера. И ты все-таки взял меня на эту роль. Почему, кстати? Надеюсь, не из-за Деда?

- Нет. Мне понравилось то, что ты показал. Это оказалась не совсем та трактовка, которую я представлял себе, но... Это было интересно.

- И мы даже похожи с тобой.

- Чем это?

- Мы оба - человеки в футлярах. Только мой футляр более... декоративный.

- Обиделся!

- Так ты ж и хотел обидеть.

- В общем, да. Прости.

- То, что ты видишь, - это фасад. Красивая вывеска. Посторонним вход воспрещен.

- Да, я здорово в тебе ошибался.

– Саша, просто расскажи мне все. Освободись, наконец. Я пойму. Мне кажется, уже понимаю.

Синицкий взглянул на Алымова несчастными глазами. Его уже слегка развезло от выпитого – Сергей с некоторой тревогой наблюдал, как тот опрокидывает стопку за стопкой. Еще не хватало, чтобы он оказался алкоголиком!

– Я не хочу, чтобы ты думал... Черт, как трудно! – У Синицкого задрожали руки, и он спрятал их под стол. – Я вовсе не гей! Но тогда, в институте... В общем, я был одержим тобой. Ну, как Львов – Ивановым.

– Я так и понял. Знаешь, что я думаю? Нас сейчас так заморочили, сведя все к сексу, что простые человеческие чувства начинают казаться каким-то извращением.

– Да, наверно. Не знаю. Почти двадцать лет прошло! Я думал, что избавился от этого наваждения навсегда! А тогда... Я всерьез опасался, что у меня нетрадиционная ориентация. Собирался покончить с собой, если бы это оказалось правдой.

– Господи...

– Такой вот был идиот. И в результате возне-навидел тебя, потому что боялся признать... ну... что я...

– Я понимаю.

– Мучился страшно. Был бы гомиком, тогда хоть понятно! А так... Что это? Какое-то безумие, болезнь. Не знаю, чего я жаждал на самом деле: быть с тобой или... быть тобой. А ты меня просто не замечал. Я страшно хотел в вашу компанию, завидовал вашей легкости! Вы так радостно существовали – словно летали. Особенно ты.

– А ты нам казался снобом, высоколобым интеллектуалом. Такой Артур Миллер. Я, честно говоря, робел. Полным дураком себя чувствовал, правда! Вот, думал, серьезный парень, умственный. Из него точно выйдет толк. А я был страшно в себе не уверен.

- Ты?

- Я. Меня же сначала никто всерьез не принимал. Ах, какой красавчик! Неужели он еще и играть может? И даже текст выучил? Какая прелесть!

- Мне это и в голову не приходило. Ты знаешь, ведь я приехал в Москву из Пензы, провинциал, родители самые простые, отец - пьяница. Да, и в этом мы похожи. Поступил не сразу. Как я гордился! Как я хотел всем доказать, что не лыком шит, понимаешь? Из кожи лез! А вы все такие столичные, блестящие, успешные. И ты - самый блестящий и успешный. Слово из звездной пыли сотканный. Я когда тебя первый раз увидел... У меня сердце остановилось. Я четыре раза женился, баб этих без счета у меня было, но ни к одной из них я не испытывал и сотой доли того, что тогда к тебе. Ты мне снился. Ничего эротического. Снилось, что ты у меня в комнате и мы просто разговариваем. Такое счастье! Вчера опять приснилось. Впервые за двадцать лет. Потому меня и понесло.

- Ну вот видишь: сон твой сбился, мы просто сидим и разговариваем, и никакого конца света. Если бы мы тогда с тобой смогли как-то подружиться, у тебя, мне кажется, этих мучений и не случилось бы. Понял бы сразу, какой я болван, и успокоился бы.

- Возможно.

- Саш, а сейчас... это так же... мучительно, как тогда?

- Нет. Совсем нет. Все по-другому. Понимаешь, я же всю жизнь убеждал себя, что ты полный мерзавец.

- Зелен виноград?

- Ну да. И то, что Дара к тебе ушла, тоже в эту концепцию вписалось. И когда пошла волна этого дерьма в СМИ, я верил. Хотел верить! Но даже тогда сомнения были: я же видел, что ты ей вообще не отвечаешь, не оправдываешься. Ты ведь ни одного плохого слова о ней не сказал. А когда мы с тобой стали чаще общаться... Я понял, каким дураком был. Так что - прости.

- Да ладно. Все в прошлом.

- Ты знаешь, я думаю, это была одержимость красотой. Когда видишь что-то поистине прекрасное - мучаешься, потому что не понимаешь, что с этим делать, как жить...

- Возможно. Моя мама однажды в Эрмитаже в обморок упала, представляешь? В галерею скульптуры. Антонио Канова, кажется, скульптор. Какая-то нимфа, что ли, или богиня, неважно - лежала ничком, обнаженная. Мама говорила, так свет падал волшебным! Особенно на ее ноги - на пяточку. И она в обморок упала. От совершенства этой мраморной пяточки.

- Здорово!

Оба старались скрывать смущение: не часто им приходилось пускаться в подобные откровенности. Синицкий налил себе еще водки и вздохнул:

- Может, зря я тебе рассказал?

- Нет. Ты же чувствуешь, нам легче стало? И потом, все останется здесь, на этой кухне.

- Я надеюсь.

Дверь приоткрылась, и заглянула Татьяна:

- Мальчики, вы как? Не поубивали друг друга?

- А должны были? - рассмеялся Алымов.

- Танюш, все хорошо. Сережа понял.

- А что вы ничего не едите? Саш, ты плохо угощаешь. Давайте я вам котлет разогрею? Вы же голодные. Что эта закуска.

- Тань, не суетись.

- Может, вы с нами посидите? – предложил Алымов.

- Да я неважно себя чувствую. Токсикоз.

- Ну вот, а тут еще я притащился...

- Все хорошо, Сережа. Все нормально. Я рада, что вы нашли взаимопонимание. Саш, а ты не увлекайся, ладно? Закусывай, закусывай.

- Я закусываю...

Татьяна быстро поцеловала его в макушку и ушла, Синицкий смущенно покосился на Алымова.

- Саш, а Таня что – знает?

- Да. Слушай, правда, хочешь котлету? Я, честно говоря, холодные больше люблю.

- Давай.

Синицкий достал из холодильника кастрюльку – каждый положил по котлете на кусок хлеба, и они одновременно откусили, усмехнувшись. Прожевав, Синицкий сказал:

- Таня все знает. Она же меня спасла тогда. Не хотел тебе говорить, да ладно. В общем, была у меня попытка самоубийства. – Увидев выражение лица Алымова, он замахал рукой: – Да глупость сплошная, ничего страшного, один позор. Не переживай. А Таня медсестричкой была. Ну, и вытащила меня из депрессии. Сейчас она врач, хороший.

- А как же ты говоришь, что она – четвертая жена? Что-то я не понял.

- Да так. Она моя первая женщина и четвертая жена. Бросил я ее с ребенком. Нашему сыну шестнадцать, представляешь? Отношения у меня с ним – хуже некуда. Никак простить не может. Таня, бедная, между нами как меж двух огней! Мы с ней случайно встретились, уже после Дары. И я понял: вот оно –

настоящее. Любит меня всю жизнь, такого идиота. Она и настояла, чтобы мы с тобой поговорили. Я же все время напрягался – боялся, что повторится то безумие. Да, и спасибо, что ты первый подошел. А то я никак не решался. И вообще – спасибо. Что выслушал. И понял.

– Я думаю, прежде не повторится.

– Ну да, наверное. Нельзя дважды вступить в одну и ту же реку.

– Но на одни и те же грабли можно наступать сколько угодно! Ладно, шучу. Мы ведь оба изменились. Повзрослели, наконец. Надеюсь, что мудрости прибавилось. Да и звездная пыль с меня слегка по-осыпалась, так что...

– Да ладно, ты еще вполне ничего. Все такой же... декоративный.

– Ну, спасибо.

Они посмеялись, чувствуя, что бывшее между ними напряжение совсем ушло. Алымов усмехнулся:

– А вообще, говоря словами Берти Вустера, наша с тобой история лишний раз подтверждает ту истину, что половина людей не знает, как живут остальные три четверти.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Стихи Бориса Пастернака.

2

Несносный ребенок (фр.).

Купить: <https://tellnovel.me/ru/evgeniya-perova/potomu-chno-lyublyu-tebya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)